

Д.Е. Чистов, Ю.И. Ильина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЕРЕЗАНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена публикации нового комплекса – многокамерной постройки середины – второй половины V в. до н.э. из раскопок Березанского поселения.

Ключевые слова: Березанское поселение, Борисфен, классический период, керамика.

В результате многолетних исследований северной части Березанского поселения Л.В. Копейкиной, Я.В. Доманским и С.Л. Соловьевым был сформулирован вывод об упадке Березанского поселения в V в. до н.э., выразившемся в сокращении площади жилой зоны, уменьшении числа его жителей, деградации городской застройки и, вследствие этого, разительном изменении облика поселения [Копейкина, 1981, с. 206-208; Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989, с. 38; Solovyov, 1999, p. 98-113].

Согласно полученным данным, опустевшая территория города была вновь заселена через очень короткое время, однако, облик этого нового поселения разительно отличался от прежнего. Особенностью классического периода в северно-западной части Березанского поселения становится возврат к традиции земляночного домостроительства, казалось бы, почти забытой с середины VI в. до н.э. Целая группа землянок различной конструкции была раскрыта в ходе раскопок 1987-1991 гг. на северо-западном участке СЗ-Б (рис. 1, Е) [Solovyov, 1999, p. 101-109]. Эти объекты представляли собой котлованы различных размеров (от 7,6 до 30 м²), заглубленные в грунт на 1-1,1 м. Все котлованы, за исключением

одного округлого (52) имели прямоугольную форму. Конструкция этих сооружений и оформление их интерьера заметно различались. В некоторых случаях по периметру грунтовых стенок имелась каменная кладка (землянки 72, 52), у других (землянки 48, 57) она отсутствовала. Судя по расположению столбовых ямок, перекрытие могло быть как коническим (в случае землянки 52), так и одно- или двускатным. Внутренне пространство самого большого по площади комплекса (землянки 48) было разделено на два помещения плетневой перегородкой.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживался В. В. Лапин, который, исходя из результатов своих раскопок 1960-х – 1970-х гг. на участке «О» в северо-восточной части острова, предполагал непрерывное развитие Березанского поселения на протяжении V-IV вв. до н.э. По его мнению, именно на V в. до н.э. приходится наибольшее количество строительных остатков и наибольшее расширение границ жилой территории города [Лапин, 1966, с. 108]. Сопоставление результатов исследований В.В. Лапина с недавними раскопками того же участка, речь о которых пойдет ниже, осложняется существенными расхождениями в представлениях о хронологии строительных остатков Березанского поселения. Согласно представлениям В.В. Лапина, отразившимся как в текстах, так и в самой структуре его полевых отчетов, наземное каменно-сырцовое строительство на Березани начинается не ранее рубежа VI-V вв. до н.э. Таким образом, в качестве «архаического горизонта» этот исследователь рассматривал исключительно ранние землян-

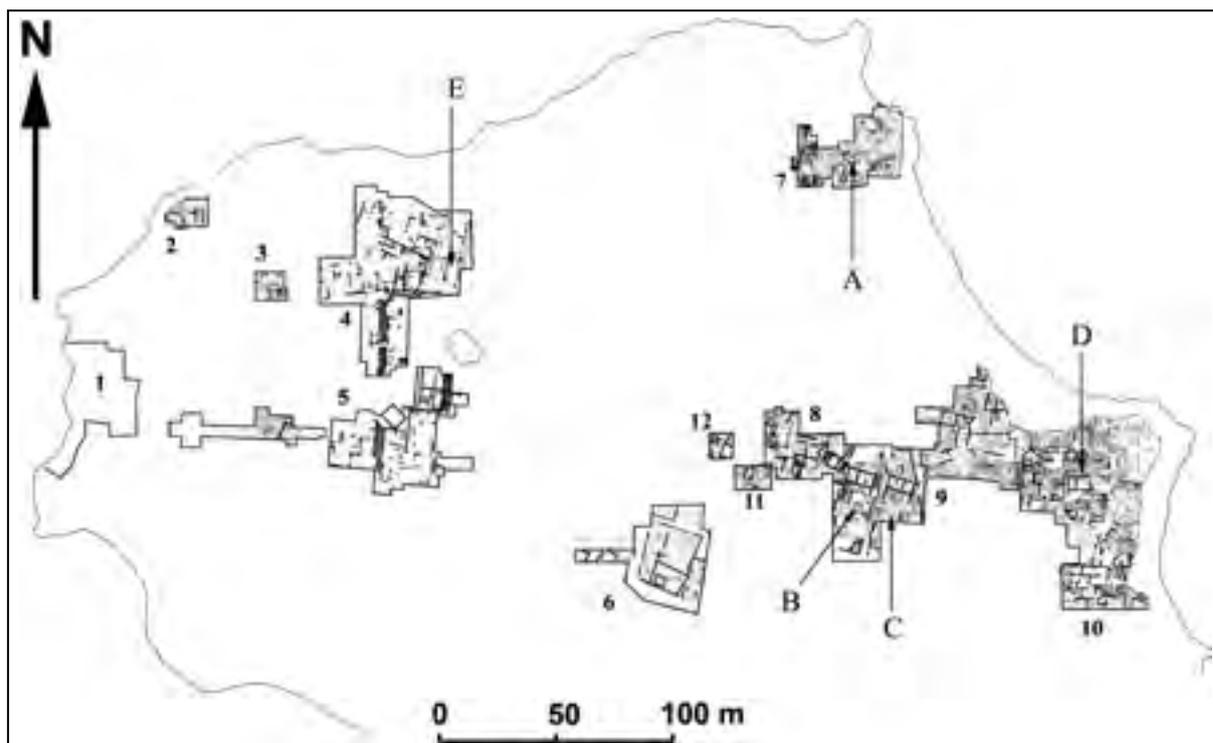

Рис. 1. Основные участки раскопок 1930-х – 2013 гг. в северной части о. Березань. Номера раскопок на плане: 1 – Некрополь. 2 – Раскоп «С-1». 3 – Раскоп «С-2». 4 – Раскоп «Северо-западный А». 5 – «Раскоп Северо-западный Б». Раскоп «Т». 7 – Раскоп «Г». 8 – раскоп «Р-1в». 9 – Раскоп «О – западный» (1991-2012). 10 – Раскоп «О-восточный» (1960-1980). 11 – Раскоп «ГШ». Буквами латинского алфавита отмечены места расположения упомянутых в тексте строительных остатков V-IV вв. до н.э.: А – строительные остатки на раскопе «Г»; В – место расположения многокамерного дома второй пол. V в. до н.э. на участке «О-западный»; С – место расположения полуземлянки 46 второй четверти V в. до н.э.; D – строительные остатки IV в. до н.э. на раскопе «О-Восточный» В.В. Лапина; E – место расположения полуземлянок V в. до н.э. на раскопе «СЗ-Б»

ки и хозяйственные ямы, предшествовавшие наземным домам, любые же наземные строительные остатки он был склонен датировать не ранее начала V в. до н.э., относя их к периодам классики и эллинизма¹. Картина непрерывного развития Березанского поселения подкреплялась и наличием на части площади раскопа «О» хорошо выраженного культурного слоя IV в. до н.э.: с ним связана целая серия хозяйственных ям и строительные остатки одной или нескольких многокамерных построек (рис. 1, D). [Лапин, 1970, л. 22-33, 1971, л. 10-18]. Однако, в последнем случае мы, вероят-

1. Очевидно, значительная часть раскрытых на раскопе «О» строительных остатков должна быть заметно удревнена исходя из современных представлений о начале каменно-сырцового домостроительства в третьей четверти VI в. до н.э. Так, например, к классическому периоду относили расположенный в западной части раскопа «О» т.н. Дом 1 из раскопок В.В. Лапина [Solovuyov, 1999, p. 100-101], объемная реконструкция которого была предложена С.Д. Крыжицким [Крыжицкий, 1982, с. 27, рис. 4,4], однако повторные исследования этого дома [Доманский, Марченко, 2006, с. 35-36; Чистов, 2006, с. 60, 87, рис. 19] и стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что он датируется второй половиной VI – началом V в. до н.э.

но, имеем дело с изолированным комплексом зданий, отдельной усадьбой, поскольку выраженных следов строительных остатков и слоя IV в. до н.э. на исследованных прилегающих территориях нет. В полевой документации раскопок В.В. Лапина также не удается найти описания комплексов с выразительным материалом середины – второй половины V в. до н.э., подобных тем, что станут предметом нашего рассмотрения ниже.

Результаты возобновленных в 1990-х гг. раскопок участка «О» не подтверждают предположения его первого исследователя. Напротив, они формируют картину, весьма сходную с результатами раскопок северо-западных участков.

Характерной особенностью участка «О-Западный» (рис.1, 9), исследуемого с 1991 г., является наличие мусорных слоев V в. до н.э., перекрывающих строительные остатки позднеархаических каменно-сырцовых построек. Эти напластования, как правило, локализируются пятнами, не принадлежат к единому горизонту, и представляют собой линзы золистого грунта, насыщенного измельченными раковинами мидий и сильно кальцинированной керамикой [Чистов, 2012, с. 105-106]. Оче-

видно, формирование этих слоев относятся к периоду запустения Березанского поселения, однако свидетельствует о наличии какой-то хозяйственной активности на территории частично заброшенной городской застройки. На протяжении указанного периода покинутые жилища и кварталы архаического города постепенно разрушались, кладки разбирались на камень. Именно в это время, очевидно, были практически полностью разобраны надземные части каменных цоколей стен двух крупных позднеархаических построек (многокамерные комплексы №№ 1 и 2), вероятно, имевших общественное назначение [Чистов, Ильина, 2012].

В ходе исследования территории упомянутых выше позднеархаических многокамерных комплексов и их окружения были обнаружены и более поздние объекты, датировка которых укладывается в рамки второй – последней четвертей V в. до н.э., в том числе – полуземлянки и хозяйственные ямы (СК 38, 46, 57, ямы 116, 142, 152, 157, 158, 159). Часть указанных объектов представляет собой бесформенные котлованы и ямы с обвалившимися устьями, очевидно – долгое время остававшиеся незасыпанными и постепенно оплывавшие. В их ряду выделяется округлая полуземлянка 46 (рис. 1, С), своими размерами и конструкцией напоминающая круглые землянки архаического периода [Чистов, 2012, с. 104, ил. 54, с. 106-108]. В заполнении этого комплекса найден репрезентативный набор фрагментов аттической чернолаковой и чернофигурной керамики, позволяющий датировать ее не ранее 470-х гг. до н.э. (т.е., очевидно, второй четвертью V в. до н.э.) Примечательно, что котлован этой полуземлянки возник на территории двора напротив входа в позднеархаический Комплекс №1. Поскольку полуземлянка 46 была впущена в грунт с уровня мусорных напластований, перекрывающих строительные остатки этого сооружения, совершенно очевидно, что ко времени ее появления (второй четверти – середине V в. до н.э.) самого здания уже не существовало.

В результате исследований последних лет на том же участке было сделано неожиданное открытие: удалось выявить строительные остатки наземной многокамерной постройки, возникшей около середины V в. до н.э. (рис. 2). К ним следует отнести подвальное помещение (21), и полуподвал (15). Эти заглубленные объекты принадлежали сооружению, наземная часть которого практически не сохранилась. Стены других помещений этого дома, очевидно, были сложены из сырца, и не имели каменных цоколей в основании. Об этом свидетельствуют следы двух сырцовых

стен, выявленные в ходе раскопок к востоку и к югу от подвала 21.

Подвал 21 (рис. 3), имевший в плане размеры 3,00х 3, 70 м, был врезан в грунт на 1,35 м. Стены подвала, сложенные из сырцового кирпича, в нижней части облицованы каменной известняковой кладкой на высоту около 0.60 м. Помещение имело плотный глинобитный пол; в центре и по углам в полу выявлены шесть ямок, очевидно, предназначавшихся для установки амфор. В одной из них находилась нижняя часть хиосской амфоры. Заполнение подвала содержало весьма представительный керамический комплекс, включавший фрагменты амфорной тары и столовой керамики (прежде всего, аттического производства) середины – третьей четверти V в. до н.э.

Помещение 15 (рис. 4), по всей видимости, представляло собой полуподвал, пол которого был заглублен относительно дневной поверхности классического периода на 0,55-0,60 м. По периметру помещения были возведены однолицевые каменные цоколи толщиной до 0.48 м; следов сырцовых кладок здесь, в отличие от соседнего подвала 21, не обнаружено. Южная и восточная кладки помещения были частично разобраны в древности, однако внутренние размеры полуподвала (ок. 3,50 х 5,50 м) достаточно уверенно восстанавливаются по контурам его прямоугольного котлована, который был врезан в материковый суглинок. Полуподвал, вероятно, был разделен на две неравные части каменной перегородкой (стена 82), однако она сохранилась лишь на небольшом участке. Остается неясным, сообразались ли основное помещение и меньшее по площади, примыкавшее к нему с юга. Возможно, южное помещение служило для оформления входа (лестницы в полуподвал с уровня древней дневной поверхности). Основное помещение, вероятно, использовалось для хозяйственных нужд; об этом свидетельствует углубление с грушевидной хозяйственной ямой (ямы №№173-174) в его центральной части.

Амфорная тара, найденная в заполнении помещений 21 и 15 (а также в ямах 173-174, находившихся в границах последнего), датируется в рамках двух последних четвертей V в. до н.э. В заполнении ямы 173 обнаружено целое горло прямогорлой хиосской амфоры (рис. 5, 1), которое, по-видимому, можно отнести к типу IV-B, датируемому С.Ю. Монаховым 410-420-ми гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 20, табл. 9.5]. На дне в южной части ямы 174 найдена нижняя часть амфоры круга Фасоса (рис. 5, 2), а в центральной части – большой обломок солена красноглиняной черепицы.

В числе находок амфорной тары из заполнения подвала 21 отметим горла «поздне-

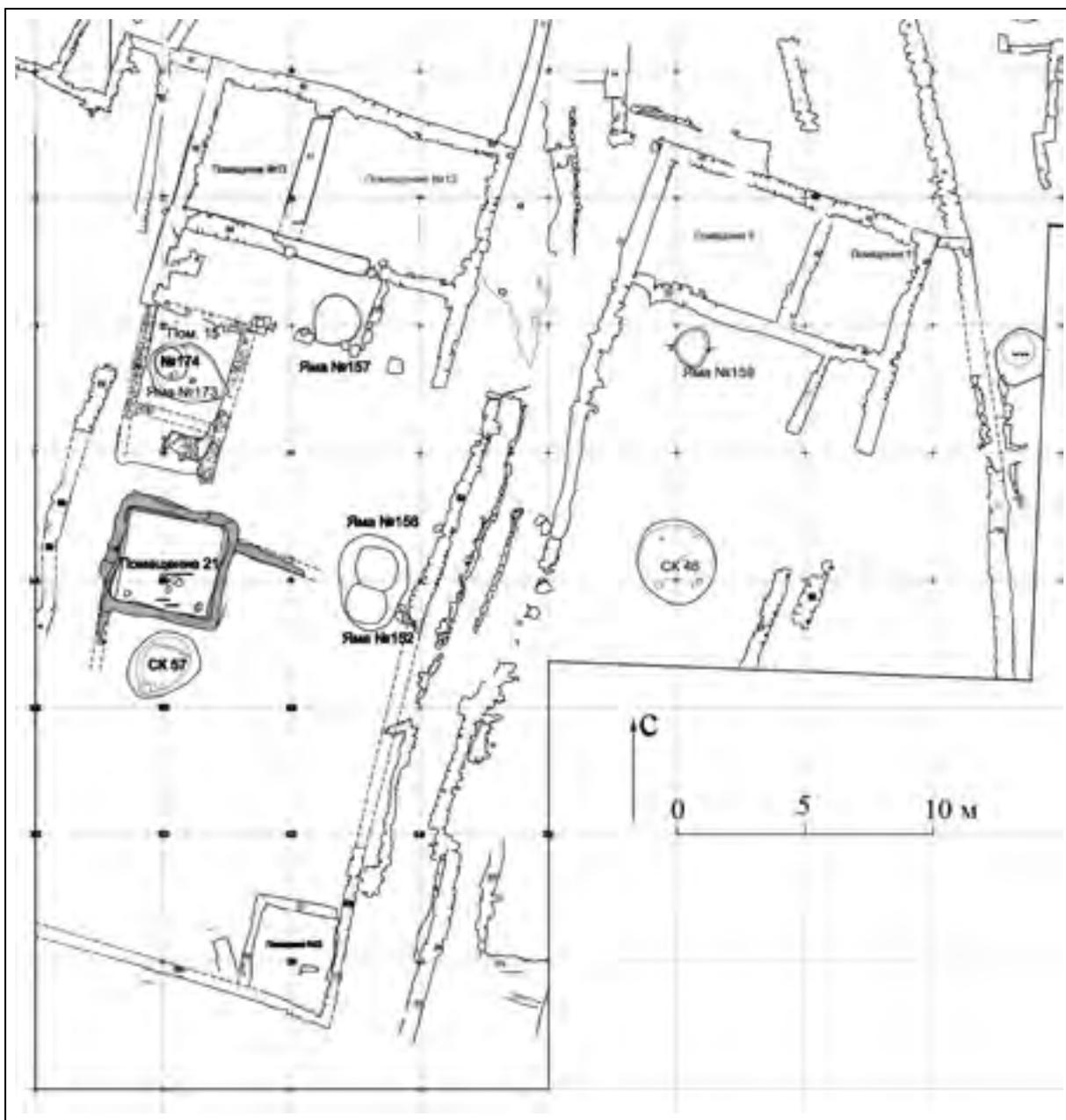

Рис. 2. План западной части раскопа «О», горизонт V в. до н.э. Строительные остатки построек предшествующего позднеархаического периода обозначены контурными линиями

Рис. 3. Подвал классического периода (помещение 21). Вид с запада

Рис. 4. Полуподвальное помещение 15, ямы 173-174. Вид с юга

пухлогорлых» хиосских амфор с перехватом (рис. 6, 2-3) варианта III-C по классификации С.Ю. Монахова, датирующиеся 440-ми – 420-ми гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 18-19, с. 237, табл. 7]. Однако, наряду с ними, в комплексе присутствуют и несколько более ранних «развитый» тип хиосской амфорной тары второй четверти V в. до н.э. [Монахов, 2003, с.17-18]. К нему относится и верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры, находившаяся на уровне пола подвала (рис. 6, 1). На плечиках этого сосуда нанесены несколько граффити: «АТТ», «А», «НИК».

Горло фасосской амфоры (рис. 6, 4), судя по пропорциям и профилировке венчика, относится к т.н. «нимфейской» серии амфор Фасоса [Монахов, 2003, с. 266-267, табл. 36,7,

табл. 37,1-3, с. 62-63), появляющейся около середины V в. до н.э. Также в заполнении подвала найдено целое горло амфоры какого-то иного североэгейского центра «круга Фасоса» (рис. 6, 5), видимо, датирующееся тем же временем.

Находки столовой керамики из заполнения помещений 15 и 21 хронологически неоднородны. Значительный процент находок относится к архаическому периоду, и представлен фрагментами ионийской керамики – как расписной, так и простой, красноглиняной и сероглиняной. Встречаются достаточно редкие для поселения и фрагменты терракотовых статуэток. Вместе с тем, широко представлены и образцы более поздней керамики классического периода, в основном – аттического производства. Количество фрагментов столовой керамики в помещении 15 было невелико; самой поздней находкой является часть дна чернолаковой небольшой чашечки на широком основании с граффито (дельтой) на внешней стороне (рис. 7.1). Сходное широкое основание характерно для чашечек с профилированным краем середины V в. до н.э. Ближайшая аналогия нашему фрагменту датируется 375-350 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p.135, 299, Pl. 33, No 883].

В заполнении ям 173 и 174, находившихся в границах того же помещения, найдено сравнительно много фрагментов аттической чернолаковой керамики. Преобладают фрагменты открытых сосудов, среди которых определяются килики класса stemless 470-450 х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 101-102, 268, Fig. 5, No 471], а также фрагмент венчика аттического краснофигурного кратера (рис. 7, 2) второй четверти – середины V в. до н.э. Образцы подобных сосудов, хотя и редко, встречаются на Березани [Schapiro, 2010, p. 296-297, fig.7].

В заполнении подвала 21 также присутствует примесь ионийской керамики конца VI – первой половины V вв. до н.э. (в основном – в верхней части заполнения помещения). Находки аттической керамики в нижних слоях более выразительны и многочисленны. Находки краснофигурной керамики представ-

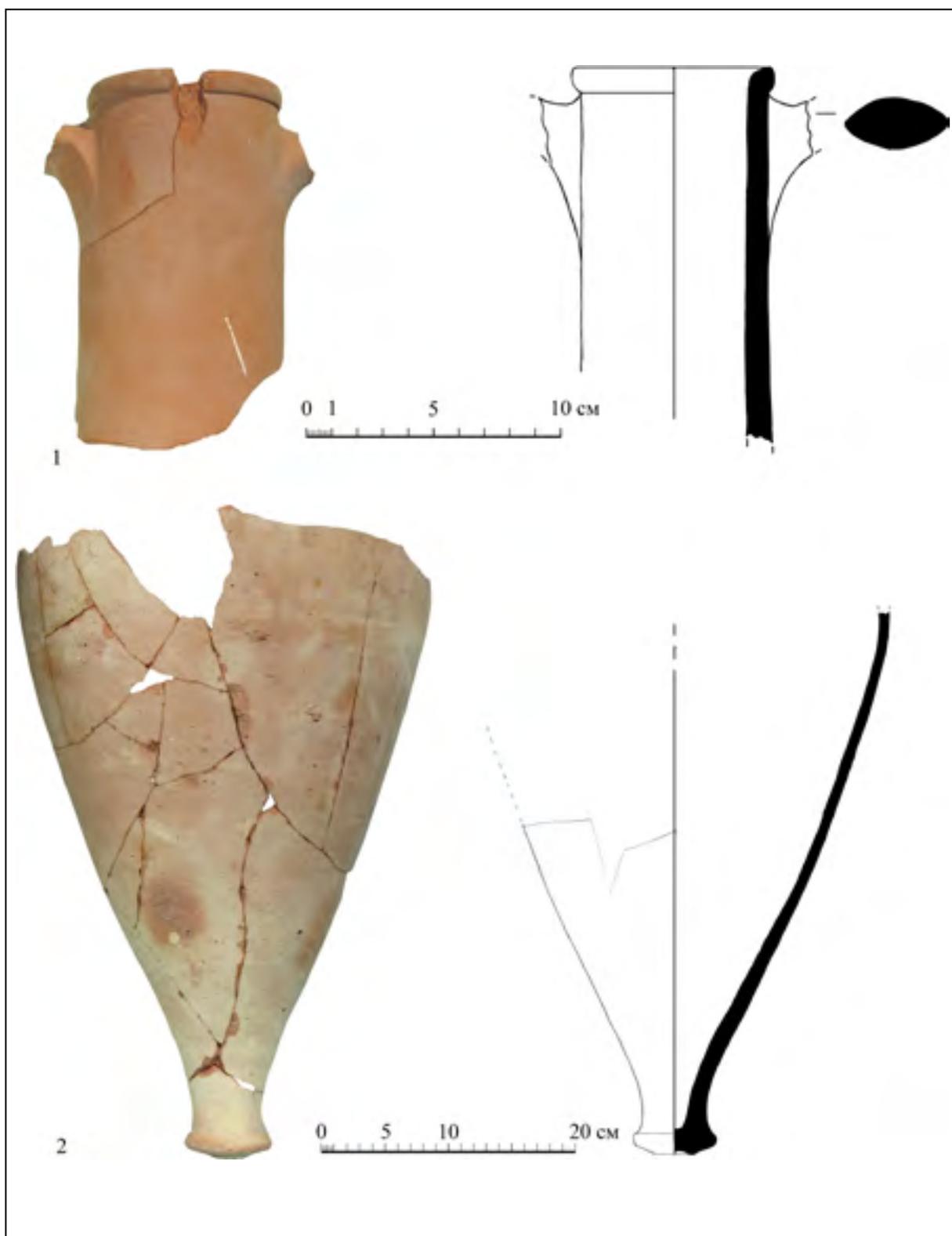

Рис. 5. Яма 173. 1 – горло хиосской амфоры (БЭ 2011.37/395). 2 – яма 174. Нижняя часть амфоры «круга Фасоса» (БЭ 2011.38/405)

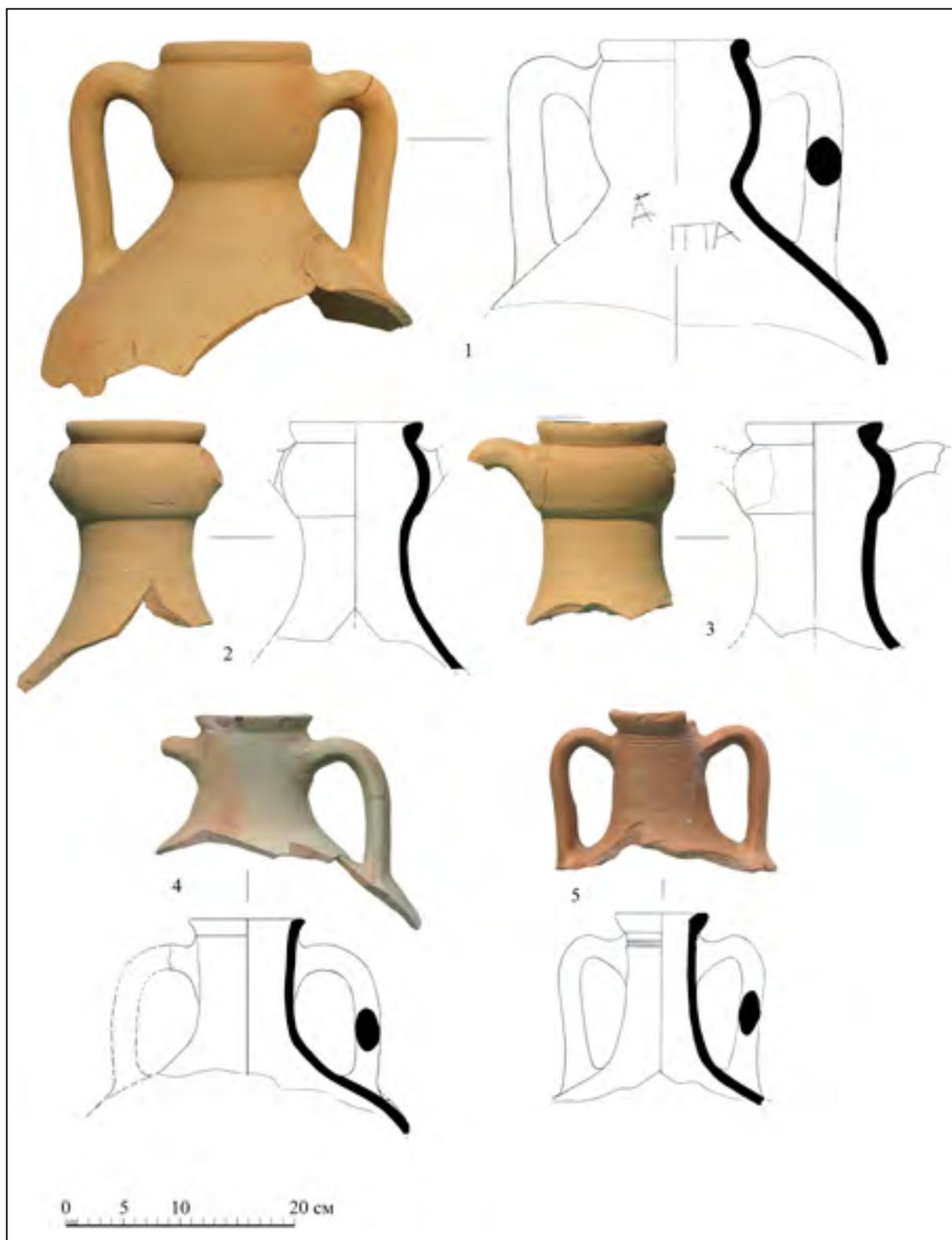

Рис. 6. Амфорная тара из заполнения подвала 21. 1 – верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры (БЭ 2013/19.423). 2-3 – горла «позднепухлогорлых» хиосских амфор с перехватом (БЭ 2013/14.421, БЭ 2013/14.422). 4-5 – горла амфор Фасоса и «круга Фасоса» (БЭ 2013/9.417, БЭ 2013/9.416)

Рис. 7. Фрагменты аттической чернолаковой керамики из заполнения подвала 21. 1 – БЭ 2011.31/380; 2 – БЭ 2011/38.401; 3 – БЭ 2013/9.58; 4 – БЭ 2013/4.33; 5 – БЭ 2013.14/94; 6-7 – БЭ 2013.14/95-96; 8 – БЭ 2013.19/143; 9 – БЭ 2013/19.131; 10-11 – БЭ 2013/9.63-64; 12 – БЭ 2013/9.59; 13 – БЭ 2013/14.97; 14 – БЭ 2013/19.132; 15 – БЭ 2013/9.65; 16 – БЭ 2013/19.133; 17 – БЭ 2013/19.134

лены единичными экземплярами, которые из-за их фрагментарности можно датировать лишь широко - концом VI в. до н.э. – первой половиной V в. до н.э. В их числе – фрагмент горла аттического краснофигурного кратера (рис. 7, 3). К рубежу архаики и классики также относятся несколько образцов чернолаковой керамики, как типичные для конца VI – начала V в. до н.э. чашечки на высокой ножке (рис. 7, 4) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 138]. Наиболее близкой аналогией может быть чашечка из раскопок агоры в Афинах 500-480 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 303, Pl. 35, No 960].

Следует отметить наличие и более позднего варианта чашечек без ножек на плоском дне 450-430 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 130-131, 294, NoNo 816-817, Fig. 8] (рис. 7, 5). Фрагменты солонок, вероятно, относятся к типам, бытующим на протяжении второй четверти V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 137-138, 302, NoNo 939-942, p. 300, No 904-908] (рис. 7, 6-7). Также следует отметить редкий для слоев Березанского поселения образец открытого аттического чернолакового светильника типа 16B (рис. 7, 8), который датируется 490-480 гг. до н.э. [Scheibler, 1976, S. 16-17, No 11, 12]. Находки киликов без ножки (stemless) относятся исключительно к классическому периоду. Самый ранний образец этого типа с сочетанием черного и красно-кораллового лака по материалам Агоры датируется 480-ми гг. до н.э. (рис. 7, 9) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 99-100, 267, pl. 21, No 453]. Многочисленны фрагменты больших киликов этого класса с профилированным краем с внешней стороны (inset rim), которые датируются 470-450 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 101-102, 268, fig. 5, No 471] (рис. 7, 10-14, 16). Также есть образец и более позднего типа с выступом с внутренней стороны края (offset inside), который датируется 450-ми годами до н.э. (рис. 7, 15) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, fig. 5, pls. 23, 50, No 484]. Часто из-за фрагментарности находок сложно найти точные аналогии. К этому же типу относятся фрагменты края килика (рис. 7, 17) которые датируются около 450 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, fig. 5, pl. 22, No 483].

Особо следует отметить, что большая часть фрагментов аттической чернолаковой керамики в комплексе относится уже ко времени после середины V в. до н.э., о чем свидетельствует штампованный и нарезной орнамент. Фрагменты больших киликов с профилированной края типа «offset inside» со штампованным орнаментом на дне по материалам Агоры в Афинах датируются около 430-х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, pl. 51, fig. 22, NoNo 491, 492] (рис. 8, 1-4).

Глубокие килики с профилированным краем представлены также типом sup-skyphos 480-х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 276, fig. 6, No 578], (рис. 8, 5). К более поздним типам киликов можно отнести фрагменты (рис. 8, 6-7), которые датируются 480-460 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 265-266, pl. 20, fig. 5, No 437 и No 440]. Фрагменты скифосов представлены ранними образцами, которые датируются около 480 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 84-85, 259, pl. 16, No 339] (рис. 8, 8-10).

Еще один тип чаш для питья, представленный в комплексе – болсалы. Самые ранние образцы киликов типа bolsal расписаны в краснофигурном стиле [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107] и по материалам афинской Агоры датируются 430-400 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107-108, pl. 24, NoNo 532-551]. Для наших фрагментов наиболее близкой аналогией являются килики, датируемые около 420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 273, fig. 6, No 541] (рис. 9, 1-4). Некоторые фрагменты (рис. 9, 5-6) можно отнести к поздним вариантам этой формы - 420-400 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 274, pl. 24, No 548-549]. Подобные килики были очень популярным аттическим импортом, широко распространенным по всему античному миру. Они встречаются на Хиосе, Самосе и Смирне, где служат маркерами для датировки классических слоев [Boardman, 1967, p. 156, No 718-719; Isler, 1978, NoNo 217-223, S. 107; Boardman, 1958-1959, p. 176, 179, pl. 44, No 179-181; Tölle-Kastenbein 1974, S. 149, Abb. 239]. В святилище Деметры в Нимфее эти формы служат основным материалом для выделения построек относящихся к классическому времени [Худяк, 1945, с. 157-158, табл. 11]. На Хиосе чернолаковая керамика с резным орнаментом на доньях киликов также относится к позднему V в. до н.э. [Boardman, 1967, p. 155-156].

Наряду с киликами различных форм в заполнении подвала найдены образцы чернолаковых кружек формы «Pheidias shape» с резным орнаментом. Находки фрагментов сосудов этой формы ранее на участке «О-Западный» ранее не фиксировались (рис. 9, 7). Нашим фрагментам наиболее близки кружки, датируемые 450-425 или 420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 250-251, pl. 11, fig. 3, No 908]. В числе редких форм аттических закрытых сосудов отметим также горло чернолакового аска или гуттуса (рис. 9, 8) 450-420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 318, No 1169-1172, pl. 39].

Помимо аттической керамики в комплексе найдена и продукция других центров, в том числе - чернолаковый хиосский канфар с декором из листьев плюща и точечных розеток (рис. 9, 8). Подобные канфары хорошо известны в Северном Причерноморье – как с

Рис. 8. Фрагменты аттической чернолаковой керамики из заполнения подвала 21.
 1-4 – БЭ 2013/19.144-147; 5 – БЭ 2013/19.140; 6 – БЭ 2013.19/139; 7 – БЭ 2013.9/67; 8 – БЭ 2013.9/68; 9 – БЭ 2013.14/100; 10 – БЭ 2013.19/142

росписью, так и без нее [Зайцева, 1972, с. 93]. В Ольвии найдено несколько образцов с декором [Буйских, 2013, с. 172, рис. 167, 10, 132-133]. Форма этих сосудов является развитием формы канфаров архаического периода с белой обмазкой. Примечательно, что значительное их число было найдено в могилах на некрополе Ольвии вместе с аттической чернолаковой керамикой середины — третьей четверти V в. до н.э. [Зайцева 1972, с. 91]. Форма листьев плюща отлична как от архаических, так и от эллинистических образцов росписи. Все это позволяет предположить, что такие канфары следует датировать V в. до н.э., вероятно — после середины столетия. Многочисленны фрагменты рыбных блюд с бортиком вокруг центрального углубления и без него (рис. 9, 10-15) — формы, получившей широкое распространение около середины V в. до н.э. [Alexandrescu, 1978, p. 123; Condurachi, 1966, p.162-168, 520 pl. 88; Ильина, Чистов, 2012, с. 99]. В материалах Ольвии серолощенные блюда появляются в классическое время, от второй четверти V в. до н.э. [Крапивина, 2006, с. 184]. На Березани большая часть таких блюд — красноглиняная, с поверхностью, покрытой красноватым лаком; сероглиняные рыбные блюда той же формы (рис. 9, 14) встречаются реже. Края блюд имеют различную форму: с узкими канелюрами по краю или с косо срезанным краем. Все многообразие красноощенных рыбных блюд из Ольвии свидетельствует о их местном производстве [Буйских, 2011, с. 243 рис. 2-14]. Следует также отметить открытый двухрожковый сероглиняный светильник, очевидно, датирующийся тем же временем (рис. 10, 1). Светильник подобной формы, найденный на агоре в Афинах, отнесен к типу 21В второй-третьей четверти V в. до н.э. [Howland, 1958, p. 46-47 pl. 34 No170]. В Северном Причерноморье светильники подобной формы отнесены к первой половине V в. до н.э. [Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 57 № 74; Русяева, 2006, с. 168 рис. 175,7]. Поскольку открытые светильники последней четверти V в. до н.э. имеют уже иную форму (тип 21С) [Howland, 1958, p. 48]), наш образец следует отнести к эпохе ранней классики.

Самой поздней находкой, сделанной в заполнении подвала является фрагмент края эллинистического кратера малоазийского производства с граффито (рис. 10, 2) середины III в. до н.э.

Ко времени существования того же здания можно отнести три хозяйственных ямы (152, 157, 158), располагавшиеся вблизи помещений 15 и 22. Наибольший интерес представляет **яма 157**, устье которой частично разрушило одну из каменных опор под деревянные столбы галереи позднеархаического много-

камерного комплекса 2. В нижней части заполнения этой ямы был выявлен сплошной завал, состоявший из крупных фрагментов амфорной тары (рис. 11), в том числе — семнадцать целых горл хиосских «позднепухлогорлых» амфор (и 117 крупных фрагментов горл амфор этого же типа), а также четыре в разной степени фрагментированных горла фасосских амфор. При подсчете по амфорным ножкам соотношение условно-целых сосудов центров-импортеров выглядело следующим образом: Хиос — 38, Фасос — 5, розовоглиняные амфоры круга Фасоса на высоких ножках — 1, Лесбос К. — 1.

Все целые горла хиосских амфор из заполнения ямы (рис. 12, 1-4) и их фрагменты относятся к одному и тому же стандартному типу — наиболее позднему варианту пухлогорлых амфор с перехватом в нижней части горла, датирующемуся серединой — третьей четвертью V в. до н.э. Не отличаются большим разнообразием и менее многочисленные фрагменты фасосских амфор (рис.12, 5-6, 8-10). Неширокие (диаметром около 9 см) горла этих амфор несколько сплюснены по оси ручек, имеют массивные высокие подтреугольные в сечении венцы, стенки слегка расширяются к плечикам. Они также принадлежат образцам фасосской амфорной тары третьей четверти V в. до н.э., аналогичным найденным в нимфейском складе 1978 г. (типа Нф 119-121) [Монахов, 1999, табл. 41.4-6, табл. 45.10-11].

Аттическая чернолаковая керамика из заполнения ямы также датируется серединой — второй половиной V в. до н.э. В числе таких находок — ножка чернолакового килика с граффито и следами древней починки (рис. 10, 3) середины V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 266, pl. 20, No 443], фрагменты аттических чернолаковых болсалов (рис. 10, 4-5) 430-х гг. до н. э [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107-108, pl. 24, No 532], фрагмент дна килика со штампованным орнаментом — пальметками 430-420 гг. до н.э. (рис. 10, 6) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 100-101, pl. 49, No 458]. Из находок кухонной керамики интересны фрагменты верхней части кастрюли с витыми ручками (рис.10, 8). Кастрюля сходной формы была найдена в Нимфее в т.н. «святилище Кабиров» и датируется второй половиной V в. до н.э. [Скуднова, 1956, с. 130-131, рис. 63,3]. В яме также найден сероглиняный лекиф с шаровидным туловом (рис. 10, 7). Форма этого сосуда имеет сходство с формой светлоглиняного лекифа из некрополя Ольвии. Последний был найден в земляном склепе с аттической чернолаковой керамикой, и датируется серединой IV в. до н.э. [Козуб, 1974, с. 102-103, рис. 49,1].

Ямы 152 и 158 располагались вблизи друг от друга и частично взаимопрорезались,

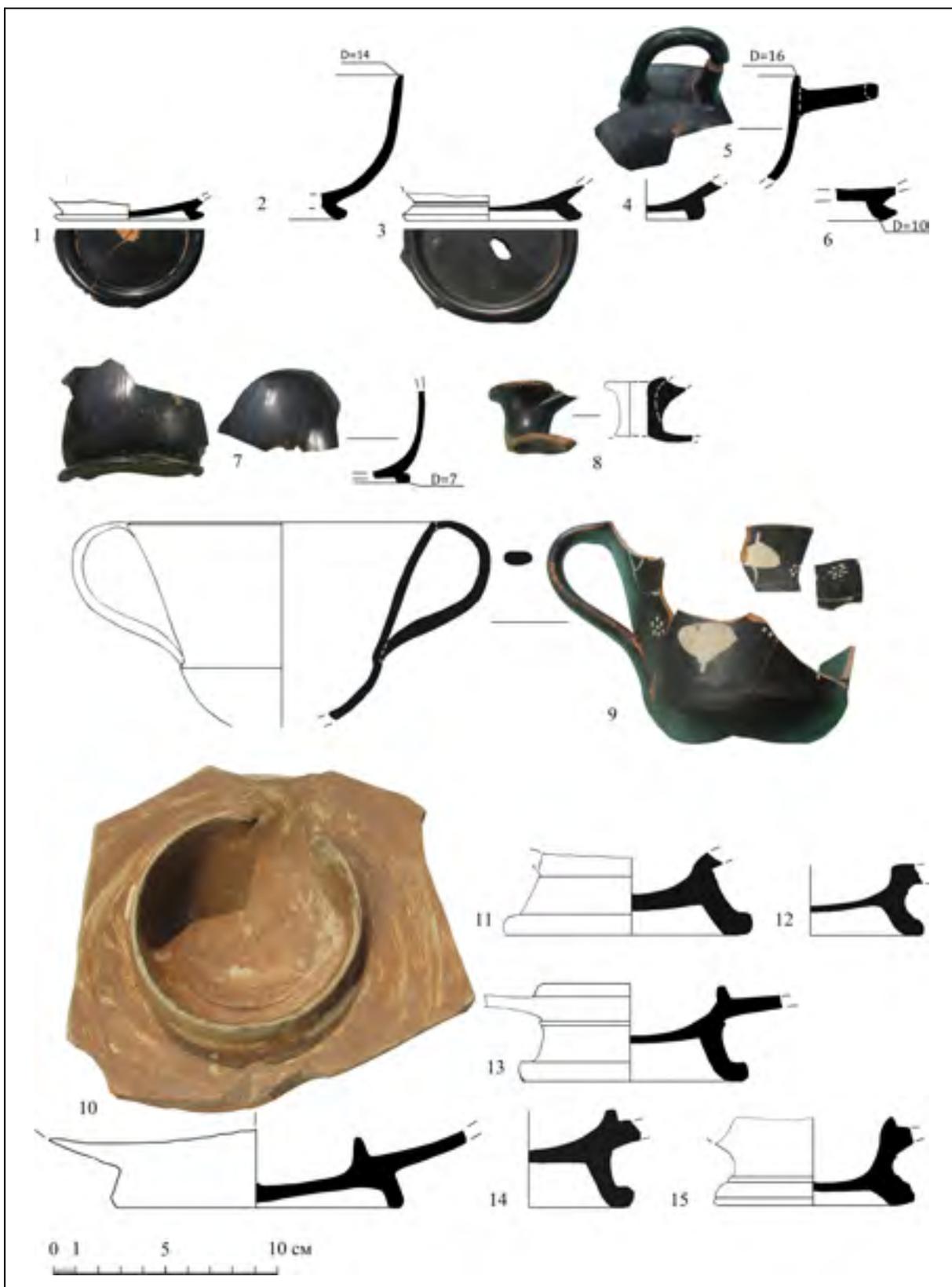

Рис. 9. Фрагменты столовой керамики из заполнения подвала 21. Фрагменты аттических чернолаковых киликов-болсалов: 1-2 – БЭ 2013/9.61-62; 3-4 – БЭ 2013/14.98-99; 5-6 – БЭ 2013/19.136-137. 7 – фрагмент аттической чернолаковой кружки (БЭ 2013/19.148). 8 – горло чернолакового аска или гуттуса (БЭ 2013/14.101). 9 – хиосский фрагментированный чернолаковый канфар (БЭ 2013/9.69). Фрагменты рыбных блюд: 10 – БЭ 2013/9.56; 11 – БЭ 2013/14.91; 12 – БЭ 2013/19.92; 13 – БЭ 2013/19.118; 14 – БЭ 2013/14.196; 15 – БЭ 2013/19.117

Рис. 10. Фрагменты столовой керамики из заполнения подвала 21. 1 – двухрожковый сероглиняный светильник (БЭ 2013/19.121). 2 – фрагмент края эллинистической тарелки с граффито (БЭ 2013/19. 149). Столовая керамика из заполнения ямы 157: 3 – ножка чернолакового килика (БЭ 2010/42.337); 4-5 – фрагменты аттических чернолаковых болсалов (БЭ 2010/42.338; БЭ 2010/42.339); 8 – фрагмент дна килика со штампованным орнаментом (БЭ 2010/42.340); 7 – сероглиняный лекиф (БЭ 2010/42.332). 8 – фрагменты верхней части кастрюли (БЭ 2010/42.530)

Рис. 11. Завал фрагментов амфорной тары в нижней части заполнения ямы 157. Вид с юго-запада

однако их взаимная хронология достоверно установлена не была. В устье этих ям затекали характерные мусорные слои с раковинами мидий. Поскольку устье одной из них (№158) в верхней части также было забито большим количеством мелкого каменного бута, можно предположить, что они находились на территории открытого двора дома, были засыпаны и затрамбованы в период его существования. Керамические находки, сделанные в заполнении этих ям, хронологически неоднородны; немалая их часть представляет собой примесь более раннего архаического материала. Тем не менее, целый ряд находок - как амфорной тары, так и столовой керамики, позволяет датировать засыпку этих ям в рамках второй половины - конца V в. до н.э. В числе находок амфорной тары отметим верхний прилеп ручки амфоры Менде с английским клеймом из ямы 152 (рис. 13, 2). Среди камней забутовки устья ямы 158 было расчищено горло хиосской позднепухлогорлой амфоры с перехватом третьей четверти V в. до н.э. (рис. 13, 3). В заполнении той же ямы найдена фрагментированная хиосская амфора другого типа - с прямым горлом (рис. 13, 1). Подобные амфоры (тип IV-A по С.Ю. Монахову), по всей видимости, выпускались какое-то время одновременно с позднепухлогорлыми [Монахов, 2003, с.19, табл. 8.4].

В числе находок столовой керамики следует отметить фрагмент аттического чернолакового килика со штампованным орнаментом из ямы 158 (рис. 13, 4) последней трети V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 104, pl. 52,

NoNo 506, 510; Voigtländer, 1982, s. 91, Abb. 46, No 294]. В заполнении ямы также присутствовали характерные для классических слоев фрагменты рыбных блюд - сероглиняного (рис. 13, 5) и красноглиняных (рис. 13, 6-7). Как уже отмечалось выше, подобные блюда распространились около середины V в. до н.э. и были популярны до конца столетия [Alexandrescu, 1978, p. 123, No 807; Vylkova, 2009, p. 154, Fig.8, 1-3].

Подводя итог описанию керамических находок из помещений дома классического периода и синхронных им хозяйственных ям, следует отметить, что комплекс находок аттической чернолаковой керамики, представленный характерными для V в. до н.э. типами киликов, чашечек и кружек, по своему составу совпадает с находками в Истрии, Самосе и

Милете [Alexandrescu, 1978, S. 83-87; Tölle-Kastenbein, 1974, S. 138, 148-149, 150-151; Istler, 1978; Voigtländer, 1982, S. 85-97]. Основной массив материалов из рассмотренных комплексов - как амфорной тары, так и столовой керамики, датируется в пределах середины - третьей четверти V в. до н.э.² Вместе с тем, заметное количество фрагментов аттических чернолаковых сосудов, найденных в заполнении подвала 21, датируется несколько более ранним временем - 480-ми годами до н.э., хотя амфорная тара первой половины V в. в этом же комплексе практически отсутствует. Очевидно, дом возникает около середины столетия, а ранняя дата части столовой керамики объясняется большим сроком ее использования. Наиболее поздние образцы как

2. Хотя количество объектов второй половины V в. до н.э. на Березани невелико, а столь представительный керамический комплекс для поселения пока и вовсе уникален, керамические материалы того же периода выявлены при раскопках некрополя. Так, в погребении 95 была найдена чернолаковая чашечка (Б.110) 450-430 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott 1970, p. 130-131, 294, No 816-817, fig. 8]. В слое некрополя найден чернолаковый килик со штампованным орнаментом (bolsal) третьей четверти V в. до н.э. (Б.108) с граффито [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107-108]. Фрагменты краснофигурных кратеров середины V в. до н.э. происходят из погребений 188 (Б.88.41) и 195 (Б.89.377) [Shapiro 2010, с. 294, 296, 297, fig. 7, 8]. Кратер (Б.80.106) последней четверти V в. до н.э. найденный в слое некрополя с чернолаковой чашечкой (Б.80.105) и фрагментом чернолакового килика со штампованным орнаментом (Б.80.102) [Shapiro 2010, с. 296, 298, fig. 9].

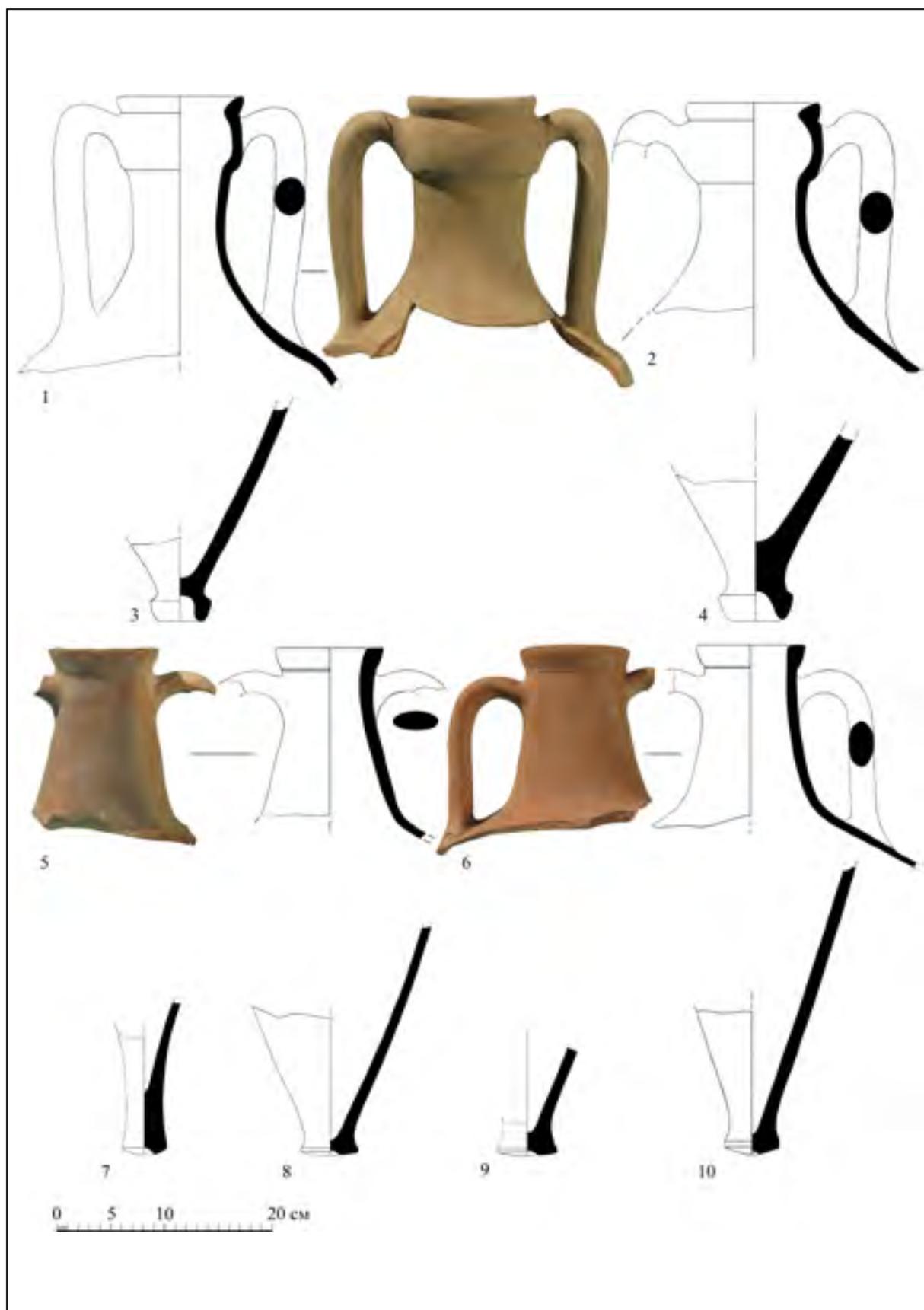

Рис. 12. Амфорная тара из заполнения ямы 157. 1-4 – фрагменты амфор Хиоса (1- БЭ 2010.42/720, 4 – БЭ 2010.42/722). 5-6, 8-10 – фрагменты амфор Фасоса (5 – БЭ 2010.42/735, 6 – БЭ 2010.42/738). 7 – ножка розовоглиняной амфоры «круга Фасоса» (тип «с раздутым горлом» третьей четверти V в. до н.э.)

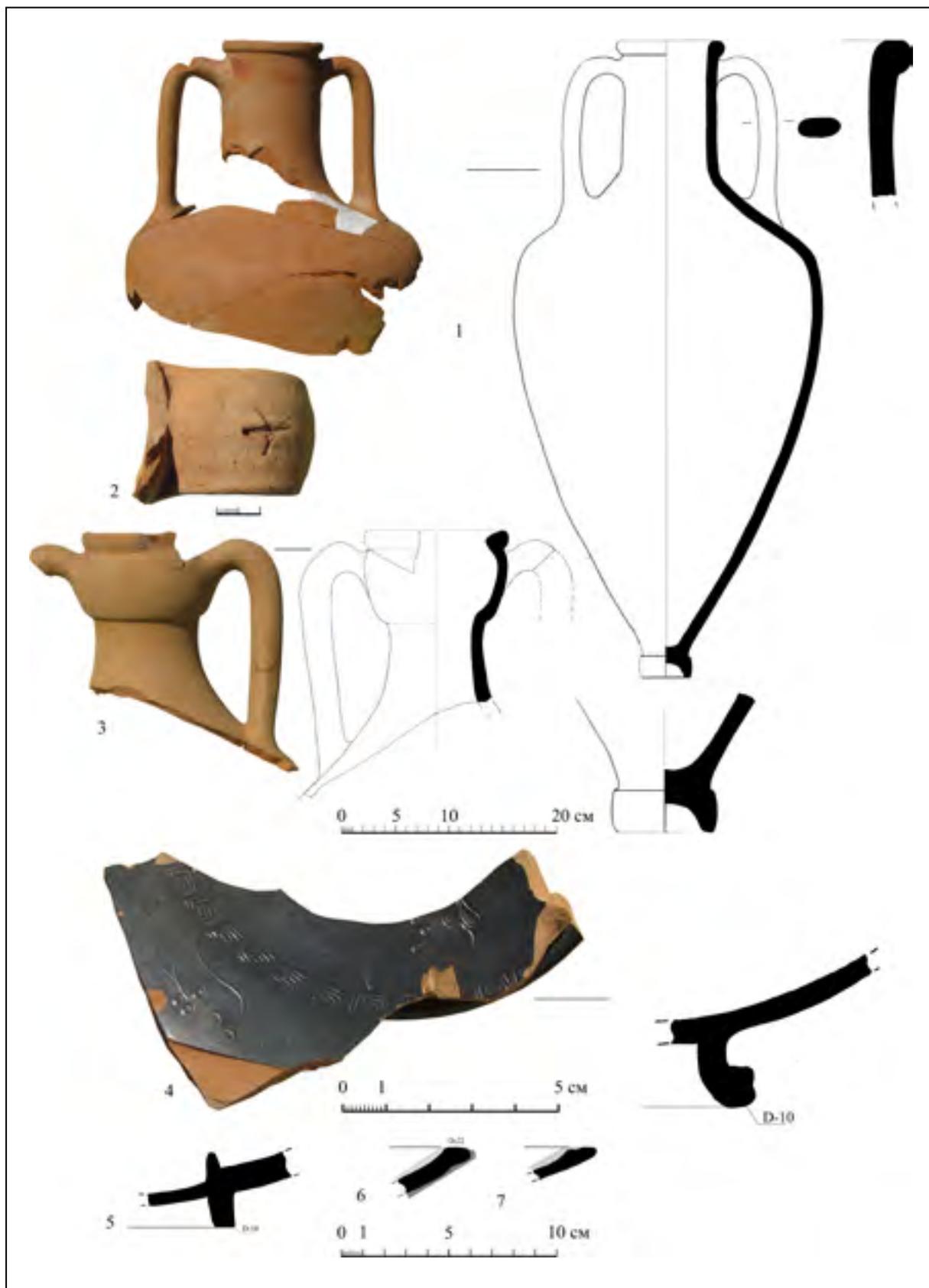

Рис. 13. Находки из заполнения ям 152 и 158. 1 – фрагментированная хиосская прямогорлая амфора (БЭ 2010 43/531). 2 – ручка мендейской амфоры с клеймом (БЭ 2010 36/290); 3 – горло хиосской «позднепухлогорлой» амфоры (БЭ 2010 24/160); 4 – фрагмент аттического килика со штампованным орнаментом (БЭ 2010 43/360); 5-7 – фрагменты рыбных блюд (5 – БЭ 2010/43.346; 6 – БЭ 2010 43/348; 7 – БЭ 2010 43/349)

амфорной тары, так и столовой керамики в заполнении подвала датируются не позднее начала последней четверти V в. до н.э. Яма 152, заполнение которой содержало, вероятно, единовременный сброс керамики, была засыпана также не позднее указанного времени. Находки керамики последней четверти – конца V в. до н.э. в помещениях немногочисленны; очевидно, дом полностью прекратил существование еще до конца столетия.

Планировка дома в целом, к сожалению, не может быть реконструирована с высокой степенью достоверности (рис. 14). Общая площадь комплекса оценивается в пределах 130-200 м². Ключевой особенностью этого дома было место его возведения, а именно – территория двора позднеархаического общественного здания (Комплекса №2). Хозяйственные и жилые постройки классического дома оказались вписаны в контуры западной и восточной оград более раннего двора, и, весьма вероятно, использовали их в качестве границ своего домохозяйства. Не приходится сомневаться в том, что строительные остатки периода поздней архаики в это время были вполне различимы на поверхности. Так, северо-западный угол полуподвального помещения 15 оказался пристроен встык к южному торцу стены 68 – сложенному из крупных известняковых плит западному анту Комплекса 2. Упомянутая выше хозяйственная яма 157 находится на территории помещения 14 – открытой галереи Комплекса №2, ее устье частично разрушило каменное основание одного из ее подпорных столбов.

Заглубленные помещения 21 и 15 одинаково ориентированы, их западные стены расположены приблизительно в одну линию, однако между ними имелся проход шириной 1,10 м. Судя по следам сырцовых стен, к югу и к востоку от подвала 21 находились смежные помещения, площадь которых по сохранившимся строительным остаткам установить невозможно. На территории бывшего двора Комплекса 2 к востоку от помещения 15 (т.е. к северо-востоку от подвала 21) не найдено никаких строительных остатков V в. до н.э. Возможно, эта территория, с востока ограниченная позднеархаической оградой (кладка 62) служила двором жилого дома классического периода. Остатки самого Комплекса 2 также могли каким-то образом использоваться новыми хозяевами: не исключено, что именно в это время возникает стена 66, делящая крытую галерею позднеархаического общественного здания на две неравные части.

Таким образом, описанный выше комплекс представляет собой пока единственный достоверно зафиксированный на Березани многокомнатный дом середины – третьей четверти V в. до н.э., включавший в себя как наземные постройки, так и подвальные помещения. Выбранное для строительства этого сооружения

место весьма показательно. С одной стороны, возникновение жилых построек перед входом в предполагаемое общественное здание предшествующего периода является очередным наглядным свидетельством деградации урбанистической структуры Борисфена. Территория обширного двора служила удобной площадкой, не требующей расчистки, а строительные материалы можно было в изобилии собирать из развалин соседних зданий. С другой стороны, ориентация помещений дома, совпадающая с векторами планировки предшествующего периода, указывает на то, что сеть улиц позднеархаического городка была вполне различима на поверхности, и могла использоваться по назначению оставшимися (или вновь прибывшими) жителями поселения на протяжении всей второй половины V в. до н.э.

Аналогичным образом, одним или двумя десятилетиями ранее, на территории двора перед входом в соседний Комплекс №1 появляется упоминавшаяся выше полуземлянка 46. Насколько был велик временной интервал между возникновением этих комплексов, существовала ли хронологическая лагуна в заселении Березанского поселения во второй четверти – середине V в. до н.э., или же жизнь в этой части поселения не прерывалась – все эти вопросы пока остаются без однозначных ответов. Хронологический разрыв между разрушением многокамерного комплекса 2 и появлением на площади его двора жилого дома с подвальными помещениями 15 и 22 может оцениваться в несколько десятилетий, однако лагуна между прекращением функционирования соседнего комплекса №1 и появлением перед его входом круглой полуземлянки 46, очевидно, была намного короче.

Своеобразным компромиссом между позицией В.В. Лапина, отрицавшей саму возможность существования такого интервала в существовании Березанского поселения, и противоречащими ей результатами раскопок северо-западного района острова, стало предположение С.Л. Соловьева о сохранении на протяжении V в. до н.э. небольшого участка городской застройки в восточной части поселения, т.е. на территории, включавшей исследованный В.В. Лапиным участок «О». Полуземлянки в северо-западной части острова в рамках этой концепции представлялись периферийной частью редуцировавшегося поселения, наподобие ольвийского «предградья» [Solovyov 1999 p.101, 109-112]. Тем не менее, как отмечалось выше, явные свидетельства существования городских кварталов классической эпохи как в материалах раскопок самого В.В. Лапина на участке «О-Восточный», так и среди результатов недавних раскопок смежного участка «О-Западный» отсутствуют (строительные остатки IV в. до н.э. не могут

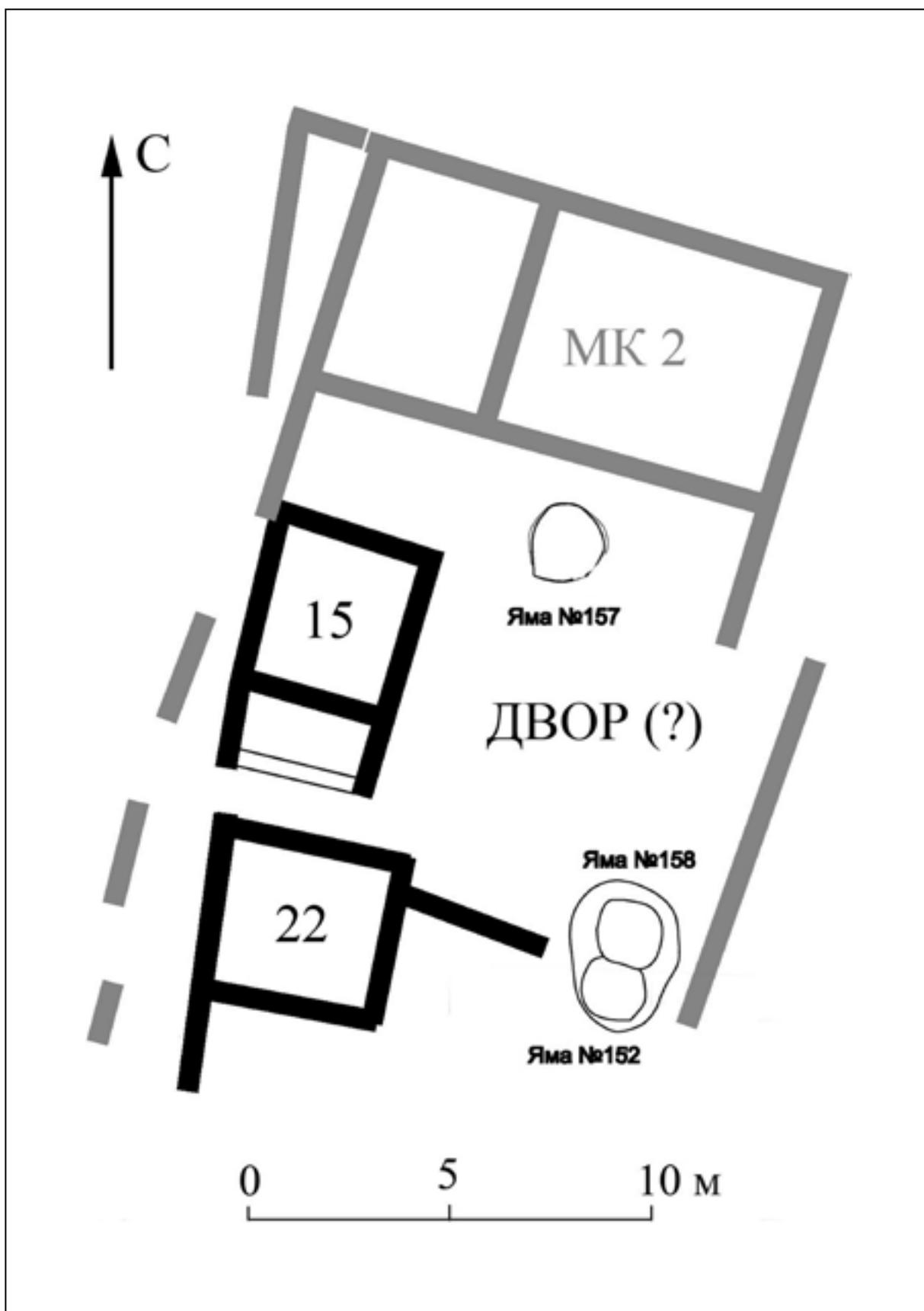

Рис. 14. Схематичний план сохранившихся строительных остатков дома середины – второй половины V в. до н.э. Серым цветом выделены кладки стен позднеархаического комплекса МК 2 и оград его двора

рассматриваться непосредственно в качестве таковых).

Пятым веком до н.э. датировал В.В. Назаров поздний период участка жилой застройки, раскрытый под его руководством на раскопе Р-1в [Назаров 2004 с. 173]. К настоящему времени данный раскоп объединен с участками «О-Восточный» и «О-Западный» в результате расширения последнего. Сделанные в ходе этой работы стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что строительные остатки раскрытых В.В. Назаровым домов синхронны позднеархаическому горизонту П-В2 участка «О-Западный», т.е. должны датироваться не позднее второй четверти V в. до н.э. Таким образом, эти данные также не следует использовать для воссоздания облика Березанского поселения классического периода³.

Следовательно, представления о функционировании в период классики компактного участка городской застройки в восточной части Березани следует считать ошибочными. Количество выявленных объектов с материалами трех последних четвертей V в. до н.э. здесь сравнительно невелико; также, как и на северо-западных участках, они представлены полуземлянками и отдельными хозяйственными ямами.

Вместе с тем, именно на территориях, прилегающих к восточному берегу острова, (участки «Г», «О») все же выявляются следы отдельных многокамерных наземных построек классического периода. Помимо описанного выше дома на участке «О-Западный», к их числу следует отнести немногочисленные строительные остатки наземных сооружений второй половины V в. до н.э., раскрытые на территории раскопа «Г» в 1960-х гг. В ходе раскопок этого участка были обнаружены подвал, три цистерны с каменной обкладкой стенок, а также колодец (яма 43 1968 г.) вто-

рой половины V – IV вв. до н.э. [Горбунова, 1964, с. 33; 1963-1964; 1965, с. 39; 1966; 1967, с. 14; 1968]. Определение характера постройки (или построек), которым они принадлежали, осложняется фрагментарностью этих строительных остатков⁴.

Вопрос о непрерывности существования Березанского поселения на протяжении второй половины V – IV вв. до н.э. требует отдельного исследования. На раскрытой площади участка «О-Западный» находки керамики IV в. до н.э. крайне редки [Чистов 2012а, с. 113-114], а какие-либо объекты этого времени не найдены вовсе. Период существования дома с помещениями 15 и 22, как отмечалось выше, ограничивается последней четвертью – концом V в. до н.э.

Локализация отдельных многокамерных наземных построек классического периода (пусть и не образующих кварталы, подобные тем, в которые были заблокированы позднеархаические дома Березанского поселения) в северо-восточной части древнего полуострова, очевидно, не случайна. Надо полагать, что именно этот район использовался немногочисленными жителями наиболее активно благодаря близости к предполагаемой древней гавани Борисфена и особенностям рельефа – сравнительно небольшая высота берегового клифа в этой части берега как в наши дни, так, по-видимому, и в древности, обеспечивала здесь самый удобный доступ с воды на остров. Аналогичным образом на самом раннем этапе существования Березанского поселения концентрация полуземлянок оптимально возрастает в прибрежной части острова [Solovyov, 1999, p. 31; Чистов, 2012б, с. 15].

Буйских А. В. Краснолощенные рыбные блюда из Ольвии // Боспорские исследования. Том XXV. – Симферополь — Керчь, 2011. – С. 242–264.

Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. – К., 2013 – 456 с.

Горбунова К.С. Отчет о работе ленинградского отряда на Березани в 1963 и 1964 гг. // Научный архив НАНУ – 1963–1964 – 1963–1964/12а.

Горбунова К.С. Раскопки на острове Березань // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. – Ленинград., 1964, с. 32–34.

Горбунова К.С. К вопросу о культуре Ахилла на острове Березань (раскопки на Березани в 1964 году) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. – Ленинград, 1965, с. 39–40.

Горбунова К.С. Отчет о полевой работе Березанского отряда Государственного Эрмитажа в 1966 г. // Научный архив НАНУ – 1966 – 1966/42.

Горбунова К.С. Березанская экспедиция 1965–66 гг. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 г. – Ленинград, 1967. – С. 14–15.

3. В монографии С.Л. Соловьева эти строительные остатки упоминаются как «группа наземных жилых построек V-IV вв. до н.э.», раскрытая в начале 1980-х гг. [Solovyov, 1999, p.100, fn. 67]

4. Частично сохранившийся подвал классического времени (помещение 1963 г. со стенами 5, 7, 8 (42 и 42а) был заглублен на 1,12 м и имел каменную обкладку стенок, в нижней части сложенную из больших поставленных на ребро известняковых плит, чередовавшихся с плитами меньшего размера. Полевая документация не дает определенных ответов на вопрос о хронологических рамках существования этих объектов. Находки из заполнения цистерн а и у 1964 и 1968 гг. датируются концом V – началом IV в. до н.э. Наиболее выразительны материалы IV в. до н.э.: в их числе - находки из заполнения ямы №41 1968 г. (девять клейменных гераклейских амфор первой четверти столетия), а также выразительный комплекс аттической керамики конца V – IV вв. до н.э. из золистого заполнения «прямоугольного углубления» 1966 г. [Горбунова, 1966, рис. 50-58].

- Горбунова К.С. Раскопки на Березани в 1968 году // Научный Архив НАНУ – 1968 – 1968/37.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьёв С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Ленинград, 1989. – С. 33–60.
- Доманский Я.В., Марченко К.К. Отчет о работе Березанской экспедиции в 2003 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – СПб. – 2012. – Т. 1. – С. 35–36.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. Коллекция светильников. – Т. 1. – К., 2007. – 207 с.
- Зайцева К. И. Кубки 5–4 вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. – 1972. – Т. 13. – С. 90–97.
- Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VI – первой четверти V в. до н.э. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том II. – СПб, 2012. – С.95–104.
- Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. – К., 1974. – 181 с.
- Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. – 1981 – № 1. – С. 192–208.
- Крапивина В.В. Простая столовая посуда // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь. – 2006. – 501 с.
- Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). – К., 1966. – 240 с.
- Латин В.В. Отчет о работе Березанской экспедиции Института археологии АН УССР в 1970 г. – Научный архив Института археологии НАНУ – 1970. – 1970/11
- Латин В.В. Отчет о работе Березанской экспедиции Института археологии АН УССР в 1971 г. – Научный архив Института археологии НАНУ – 1971/12.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999. – 678 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. – Саратов, 2003 – 352 с.
- Назаров В.В. Некоторые итоги археологических исследований Березанского поселения (1984–1999) // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Том I. – СПб, 2004. – С. 171–176.
- Русяева А.С. Восточногреческая керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь. – 2006. – 501 с.
- Скуднова В.М. Комплекс находок из святилища Кабири в Нимфее // КСИИМК. – 1956. – Вып. 63. – С. 128–138.
- Худяк М.М. Работы Нимфейской экспедиции в 1939 // ТОАМ. – 1945. – Том 1. – С. 147–165.
- Чистов Д.Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 1. – СПб, 2006. – С.55–112.
- Чистов Д.Е.. Напластования и строительные остатки классического периода: вторая – последняя четверть V в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 2. – СПб, 2012. – С. 105–108.
- Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VII – середины VI в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 2. – СПб, 2012. – С. 8–19.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – Т.2. – М., 2012. – С. 13–42.
- Alexandrescu P. La ceramique d'epoque archaïque et classique (Histria. Vol. IV). – Bucharest, 1978. – 143 p.
- Boardman J. Old Smyrna: The Attic Pottery // BSA. – 1958–1959. – Vol. 53–54. – P. 152–181.
- Boardman J. Excavations in Chios 1952–1955: Greek Emporio. – Oxford, 1967. – BSA. Suppl. – Vol. 6. – 258 p.
- Bylkova V. Grey Ware in Belozerskoe settlement (Lower Dnieper region // Pontica 42. Supplementum 1. Pontic Grey Wares. – 2009. – P. 149–165.
- Condurachi Em. Histria II. București, 1966. – 559 p.
- Güngör U. The History of Klazomenai in the Fifth Century and the Settlement on the Island // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. – Thessaloniki, 2004. – P. 121–131.
- Howland R. H. Greek Lamps and Their Survivals // The Athenian Agora. Vol. IV. – Princeton, 1958. – 252 p.
- Isler H.P. Das archaische Nord-Tor. (Samos. Bd. 4). – Bonn, 1978. – 174 p.
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centures B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. – Princeton, 1970. – 472 p.
- Scheibler I. Griechische Lampen (Kerameikos, Bd. XI). – Berlin, 1976. – 199 p.
- Shapiro H.A. Notes on Attic red-figure pottery from Berezan // ТГЭ. – 2010. – Том. 54. – С. 291–302.
- Solovyov S.L. Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. – Leiden, Brill, 1999. – 148 p.
- Tölle-Kastenbein R. Das Kastro Tigani. (Samos. Bd. 14). – Bonn, 1974. – 211 p.
- Voigtländer W. Funde aus der Insula westlich des Buleuterion in Milet // Ist. Mitt. – 1982. – Bd. 32. – S. 30–173.

Д.С. Чистов, Ю.И. Ильина

D.E. Chistov, Ju.I. Ilyina

**НОВІ ДАНІ
ПРО БЕРЕЗАНСЬКЕ ПОСЕЛЕННЯ
КЛАСИЧНОГО ПЕРІОДУ**

**NEW EVIDENCE
ON THE BEREZAN SETTLEMENT
IN THE CLASSICAL PERIOD**

Десятиріччя археологічних досліджень у Північно-Західній частині острова Березань привело до припущення, що у класичний період, починаючи з раннього п'ятого століття до нашої ери, поселення Березань у силу деяких зовнішніх причин занепало. Це припущення було доведено на матеріалах недавніх розкопок у північно-східній частині ділянки. Там, на місці архаїчних громадських споруд були виявлені декілька структур, що датуються серединою – другою половиною 5 ст. до н.е. Серед останніх – землянки, схожі на класичні, що були виявлені раніше у північно-західній частині, господарські ями, а також багатокамерні будинки з глинобитними стінами. Хоч залишки структур досить нечисленні, зафіксовано два підвали і невеликі залишки наземних споруд. Були виявлені також сирцові глинобитні структури.

Ключові слова: Березанське поселення, класичний період, кераміка.

Decades of the archaeological explorations in the North-Western part of the Berezan island resulted in the suggestion that during the Classical period, starting with the early 5th century BC, the Berezan settlement slid into decline due to a number of the external circumstances. This assumption was proved by recent excavations in the north-eastern part of the site. There, on the place of the former late Archaic civic buildings, several structures dated to the middle – second half of the 5th century BC were uncovered. Among the latter – dugouts, similar to the classical ones uncovered earlier in the north-western sections, storage pits; and also the remains of the multi-chamber house build of stone and mudbricks. Although the preservation of the structure is quite poor, two cellars and few remains of the surface mudbrick walls were uncovered. It should be noted that this building was erected right on the spot of the yard of the former civic building, probably a hestiatorion, therefore, the latter did not exist when the house was built. Finds of ceramics, including the storage amphorae and tableware and characteristic of the period, help to place the timespan of the house from the middle of 5th century BC and up to the end of the same century.

Key words: Berezan settlement, classical period, ceramics.

Одержано 20.09.2014